

# Лилия Подгайская

## Дороги нашей жизни

Сборник рассказов

### Слишком крутой оверштаг

В жизни Игоря Толбина были только две постоянные величины — любовь к деду и увлечение парусным спортом. Всё остальное было зыбко, непостоянно и менялось, как картинки в калейдоскопе, когда крутишь трубку перед глазом. «Мальчик из хорошей семьи» позволял себе всякое, и его иной раз заносило слишком уж далеко от прямой дороги, какую планировали для него родители. Оба они были заняты собственными карьерными усилиями и достижениями, уделять единственному сыну много внимания не могли, но о прямой дороге для него мечтали. И если кто-то и мог поставить Игоря на место и вернуть на правильный путь с очередного «заноса», так это дед. Дед никогда не жалел для внука ни сил, ни времени и всегда верил, что мальчишка не собьётся с пути всерьёз — ведь он такой же Толбин, как и он сам.

Дед был уже очень стар и жил в своем ветхом домишке в небольшом селце километрах в

тридцати от города. Перебираться в мегаполис он не имел ни малейшего желания. И Игорь его понимал — в этой деревеньке была такая красота вокруг, что дыхание перехватывало часом. Тихо, спокойно. Весной соловьи поют. А зимой всё снегом завалено, даже когда в городе кажется, что никакого снега и вовсе нет. Дед легко, одной левой управлялся с небольшим хозяйством и ещё находил время новостные и всякие серьёзные передачи по старенькому телевизору посмотреть и книжки почитать.

Выбор книг у деда был весьма своеобразный. Это были, в основном, исторические книги о морских путешествиях, известных мореходах, великих морских державах и даже пиратах. Он их где-то находил и заказывал, пополняя свою и так немаленькую библиотеку. Как то раз Игорь нашёл у него на столе новую для себя, незнакомую книгу — про капитана Дрейка, отчаянного пирата и доверенное лицо английской королевы Елизаветы Первой, которой помог скинуть Испанию с пьедестала величайшей морской державы.

Увидев слово «пират», Игорь скривился, а дед усмехнулся и заметил:

— Не стоит на пиратов бочку катить, мальчик. Во всяком случае, на тех, давних. Без этих отчаянных парней многие открытия так и не состоялись бы. Или случились бы намного позднее.

Да и потом они ведь частенько на службе у своих королей были, их интересы соблюдали.

Дед призадумался, посидел какое-то время, молча. Потом встрепенулся:

— А ведомо ли тебе, внук, что Россия ещё во времена царя Ивана Грозного имела свой каперский флот, который наводил ужас на всю Балтику? А полтора столетия спустя уже Петр Первый поставил каперов себе на службу, забирая в казну больше половины их добычи. Так то.

Дед ещё помолчал и добавил:

— А Дрейку в Плимуте памятник стоит. Я сам видел. Рукой в сторону Американского континента показывает.

Дед, как знал Игорь, много лет служил на флоте. Выше боцмана не поднялся, но судьбой своей был доволен. Зато про каждое крупное морское сражение мог рассказывать часами, будь то хоть Трафальгар, хоть Цусима.

Увлечение парусным спортом имело, конечно, вполне определённые истоки. Но было прочным и нерушимым. Гены, наверное. Хотя отец слово «море» мог представить только в виде развесёлого летнего пляжа. И ни в какие дальние дали его не тянуло.

В школе Игорь учился так себе. Не то чтобы ему было тяжело, просто время на учёбу тратить не хотелось. Полно других интересных дел было. Но в

ВУЗ он, тем не менее, поступил. В технический — родители постарались. И от армии его отмазали. Выбранное родителями направление сыну не понравилось, и он отказался продолжать учёбу. Полгода проболтался без дела (и это после двух лет пребывания в ВУЗе — возмущалась мать), потом устроился на работу. Не сам, конечно, родители пристроили. Это направление деятельности юному искателю жизненного пути тоже не понравилось. И он согласился вернуться на студенческую скамью, но только, совершенно категорически, не в техническое учебное заведение. Родители долго ломали голову и, наконец, предложили сыну обучаться банковскому делу.

— Пойми, сынок, — увещевала его мать, — мужчина должен выбирать для себя профессию денежную, чтобы семью содержать и жить в достатке. Глупо отдавать свои силы работе, которая не даёт больших денег.

При упоминании о содержании семьи Игорю всегда становилось не по себе. И зачем это ему? Девчонок на его век хватит. Парень он видный, это все говорят. Да и сам он не слепой, зеркало вон в прихожей стоит чуть не до потолка — смотри, любуйся. Он и любовался иногда, под настроение. Благо, родители с этим не приставали, говорили о семье, как о чём-то неопределённом и маячившем в далёком будущем. Игорь подозревал, что мать и в

планах не имела бабушкой заделываться. У неё ещё не все карьерные задачи решены были. Но поговорить о необходимости иметь возможность содержать семью она любила.

Так и взяло его в оборот это банковское дело. Мать в своих мечтах уже видела его директором солидного банка, ну ладно, на худой конец, заместителем директора. Но меньше — нет, никак и никогда. Вот и пришлось снова садиться за учёбу, лекции слушать, экзамены сдавать и всё прочее. Но всё же в студенческой жизни были свои хорошие стороны. Особо его никто не контролировал, и Игорь жил довольно весело.

Дед такой его привольной жизни не понимал и не одобрял. Он считал, что мужик должен вкалывать, как следует, и не бояться руки испачкать. Ещё дед был уверен, что работу надо выбирать себе по сердцу, а не с калькулятором в руке.

— Пойми, мальчик, — говорил он внуку, — профессия это даже важнее, чем жена. Жен, вон, сегодня по сколько раз меняют. А с профессией так не получится. Её любить надо. Тогда и жизнь интересной будет и счастливой.

Когда Игорь приезжал к деду летом, они даже к дальнему озеру с ним ходили иногда — рыбку половить да на берега зелёные полюбоваться, уж очень хороши места эти. Хоть и от города недалеко,

а тихо здесь и спокойно. И то, откуда здесь людям взяться — железная дорога далеко, автомобильная трасса тоже в стороне. А людей здесь живёт всего ничего. Это раньше село было, а сейчас осталось несколько домишек, так, хуторок. Но Игорю это нравилось. А деду и подавно. Он любил эти места. Здесь и ягоды в лесу были, и грибы. Дед иногда собирал. И очень любил посидеть на завалинке перед домом, погреться на солнышке. Как-никак деду было уже восемьдесят шесть лет, его кости просили покоя и тепла.

Игорь, когда приезжал, старался деду хоть чем-то помочь. То забор починит, то ворота подправит, то на крылечке доску заменит. Деду уже такие работы не под силу, руки ослабели. А Игорь молодой, у него силы хоть отбавляй, и энергия бьёт ключом. Это дома в городе он байроновского героя изображать любит — такой слегка пресыщенный жизнью, несколько циничный молодой человек с томным взором (это уже для девушек, конечно). А здесь возле деда он сразу становился нормальным парнем, у которого и голова хорошо работает, и руки тем концом приделаны. Если бы родители увидели его здесь в старой дедовой рубаше с закатанными рукавами, с топором в руке, ни за что не признали бы в нём своего сына. Но родители сюда не приезжали. Им не до деда было. Мать, так та вообще свёкра всю жизнь недолюбливала,

говорила, простой очень, культуры в нём нет, говорить с ним не о чем. Отец говорить, быть может, и нашёл бы о чём, да ему некогда было. Всё свои важные дела решал, да деньги зарабатывал.

А вот Игорю дед всегда был интересен. И говорил он с ним много, и просто посидеть рядом любил. Сядут на завалинку и думают каждый о своём, а потом и поговорят. И чай пить идут. У деда самовар старинный — Игорь его очень любил. Из него чай почему-то несравненно вкусней был, чем дома из электрочайника. И сахар дед признавал только кусковой, никакого песка. И очень уважал сушки. Игорь всегда привозил ему из города. И вообще с пустыми руками к деду не являлся никогда. Старался всегда привезти то, что дед особенно любит. А дед его печёной картошкой потчевал. Уху они делали на костре, если рыбы наловить удавалось. И вообще жизнь здесь у деда другая была, какая-то настоящая, что ли.

Зимой Игорь деду снег во дворе расчищал, дорожку к колодцу, дрова колот. Дед любил по старинке дровами печку топить, они и собирали сушняк весь год. Уголь был, конечно, но когда печка на дровах горит, то и запах в доме другой, и еда вкуснее, что на печи приготовлена. Да, хорошо они с дедом жили.

Эта зима выдалась очень холодной, ветреной, вьюжной. Совершенно неожиданно для себя Игорь

заболел в середине января, да конкретно его прихватило — горло, нос, кашель, температура. Целую неделю в постели провалялся и в результате три недели у дела не был. Собрался в субботу с утра. Погода, вроде, утихомирилась, ни ветра, ни снега, ни мороза особого. Когда до дедова дома недалеко уже было, Игорю почему-то тревожно стало, нехорошо на душе. Совсем сердце сжало, когда понял, что из трубы дым не идёт, а в сарае жалобно блеет дедова коза. Игорь забыл про усталость и рванул к дому. Распахнул дверь, вскочил в комнатёнку и замер. Дед сидел за столом, голова его лежала на раскрытой книге. Одна рука покоилась на столе, а другая свисала вниз. Он был давно и безнадёжно мёртв.

Игорю показалось, что жизнь остановилась. Мир замер в ужасе перед тем, что произошло. Несколько минут он стоял неподвижно, не в силах осознать до конца случившегося, а потом подошёл к деду, обнял его, холодного и твёрдого, как из мрамора, и заплакал — горько, тяжело. Плакал долго. В домике была стужа, как на улице, но он ничего не чувствовал. Время шло, а он не замечал. Потом опомнился и пошёл к ближним соседям. Там жил дедов корешмен, как он его называл, со своей старой женой и внуком. Они пришли. Баба Люба поохала, поплакала и принялась командовать, что делать надо. Решили деда похоронить, не оттягивая.



И так он несколько дней уж, видно, мёртвый пролежал. Мужики принялись гроб сколачивать, да землю копать. Место Игорь выбрал самое красивое в летнее время — сразу за дедовым садом, на пригорке. Копать мёрзлую землю было очень трудно. Но работа отвлекала от горестных мыслей и хоть немного облегчала голову. Баба Люба побежала других соседей собрать, чтобы деда обрядить и поминки приготовить. Тут и людей-то десятка полтора наберётся, тем более, зимой. Но все собрались сразу же, принялись за печальные дела. Люди в селе все практически старые, разве что Колька только пацан, да и то по несчастью здесь живёт с дедом и бабой — родители его пьют по-чёрному, и мальчишка просто сбежал, не выдержал больше.

Весь день почти провозились, но до заката солнца успели тело деда предать земле. Потом посидели за столом. Пили самогонку, ели картошку с салом и солёными огурцами, добрым словом вспоминали деда. О нём, кроме хорошего, сказать никто ничего не мог — добрый был человек, отзывчивый. Игоря разморило в тепле натопленного дома да после самогона, с непривычки. Он слушал, что люди говорили, качал головой, что-то бормотал. Потом и вовсе голову на стол уронил. Баба Люба скомандовала уложить его, укрыть потеплее, и соседи разошлись по домам.

Утром Игорь проснулся в настывшем уже доме с головной болью. А когда вспомнил, что произошло, душа заболела, это куда хуже, чем голова. Пошёл к соседям. Дед Митяй его сразу самогонкой угостил, самую малость налил, чтобы в себя парень пришёл, а баба Люба накормила картошечкой горячей, яишенку на сале поджарила, да чай заварила. Когда ожил Игорь немного, поговорили о том, что теперь делать. Игорь просил соседей забрать к себе живность, что у деда была, и за домом присматривать. Ему этот дом дорог очень, сказал, дорог как память о деде, которого любил он больше всех на свете. И за могилкой приглядывать просил. А весной он уже её в порядок приведёт.

Домой уехал совсем больной — не телом, нет, душой. Ему казалось, что со смертью деда изменился весь мир вокруг, и никогда уже не будет так хорошо, как бывало. Домой добрался под вечер. Как вошёл в квартиру, родители поняли, что случилось что-то страшное, кинулись спрашивать. Он им и рассказал. Говорит, а слёзы капаят. И не стыдно ему, только больно. Родители заверещали, почему, мол, их не позвал, зачем сам всё сделал. А он им в ответ:

— И зачем вам это? Вы ни в жизнь к нему не ездили, и не вспоминали о нём. Зачем теперь-то горе изображать? Он ведь чужой для вас. А там все близкие собрались, кто его знал и своим считал. А

вы, чтобы совесть свою успокоить, позаботитесь о памятнике для него, точнее, деньги дадите на памятник, я сам всё сделаю. И оформите дедов домишко на меня, уж постарайтесь.

Повернулся и ушёл в свою комнату. Родители переглянулись с недоумением — таким они своего сына не видели и не знали.

Через несколько дней, немного придя в себя и передумав множество разных мыслей, Игорь огорошил родителей неожиданным заявлением.

— Я меняю галс и делаю оверштаг, — сказал, — этот бейдевинд меня больше не устраивает.

Отец посмотрел с удивлением, а мать, не выдержав, взвизгнула:

— Ты по-человечески говорить можешь? Как все нормальные люди, без этих твоих непонятных словечек.

— А по-человечески это означает, что я отказываюсь жить дальше так, как жил до сих пор. И банкиром я не буду, и не ждите этого от меня. Я в море уйду, как дед. Я уже решил.

Родители пришли в смятение и даже ужас. Спорили долго, до хрипоты. В ходе этих яростных дебатов прояснилось многое, что было раньше непонятно, о чём не думалось просто за каждодневной жизненной суетой. Сошлись на том, что Игорь обучение всё же закончит и диплом

получит. Потом может сделать то, что хочется ему. Они, родители, не враги ведь своему ребёнку, не станут препятствий чинить. Только пусть помнит, что у него есть родной дом, и его здесь всегда ждут.

Весной, как только открылись дороги, они втроём съездили на могилку к деду. Родители с удивлением смотрели на хлипкий дедов домик, они не были здесь давным-давно и всё позабыли. Могилку подправили, укрепили. В доме немного навели порядок после зимы. Пообщались с соседями. Домой уезжали, как будто свежей росой умылись, хотя не пришло ещё время росы, да и травы ещё не было. После этого приезжали в это Богом забытое место ещё несколько раз. Заказали и поставили скромный, но вполне приличный памятник — деду бы такой понравился. Немного подновили и обустроили дом. Даже ночевали там пару раз.

Наступило лето. Игорь получил свой диплом, чем очень порадовал родителей. И отправился в Одессу, надеясь попасть в торговый флот. Кем? Да хоть кем угодно, лишь бы, как дед, уйти в море и там понять, чего ты на самом деле стоишь и чего хочешь. Родители остались его ждать. Обещали навещать дедов домик и сохранить в нём в целости то, что было особенно дорого сыну — дедовы книги и старый заслуженный самовар.

Вот ведь интересно получилось. При своей

жизни дед никак не мог влиять на семью, жившую в городе и по горло занятую своими городскими делами. Но своей смертью он объединил их, открыл новые стороны в их взаимоотношениях. И, наверное, был бы чрезвычайно рад этому, если бы мог об этом знать.

## Голос крови

Сколько Марина себя помнила, она всегда ощущала себя на краю жизни, где-то на обочине. Ещё с детского сада, когда блестящими глазами смотрела на кукол, которых катали в колясках другие девочки, и мечтала о домике для Барби, мечтала самозабвенно, истово, даже несколько лет подряд загадывала своё желание под Новый Год. Но Дед Мороз почему-то обходил их квартиру стороной. Ему, видимо, тоже не нравилась не просто спартанская, а скорее казарменная атмосфера их жилища, где даже и не пахло обычным женским уютом, где никогда не витали в воздухе ароматы сдобных булочек, домашнего печенья и уж тем более жарящегося мяса. Всё это противоречило жизненной позиции бабушки, которая была непререкаемым авторитетом в доме и командовала своим маленьким гарнизоном как истинный фельдфебель. Другого слова подросшая Марина подобрать не могла. Потому что слово

«командир» предполагает определённую долю человечности, а этого бабушка была лишена начисто. Это была не женщина, а робот — худший вариант зомби коммунистического режима. И что из того, что режим пал практически одновременно с рождением Марины? В их доме он жил, был почитаем и служил единственной и непререкаемой религией.

Бабушка происходила из пролетарской семьи. Её отец, токарь по профессии, стал каким-то маленьким начальником после революции и за власть свою держался крепко. Дочь впитала его жизненную позицию с младых ногтей, и никакие последующие события изменить её уже не могли. Так она была устроена — монофункционально, как сказали бы теперь. И то, что отец прозрел с возрастом, на неё уже не повлияло. Муж бабушки, красивый и неглупый парень, как слышала Марина, позволил себе придерживать других взглядов, за что был предан анафеме и изгнан из дома и из бабушкиной жизни навсегда. Дочь свою он так ни разу и не взял на руки. Больше матримониальных экспериментов бабушка не делала. Она считала, что достойная женщина может вполне обходиться без половой жизни (слово «любовь» ей было неведомо), наполнив своё сознание высокими идеями.

Этими идеями она с детства забила голову

своей безынициативной и не слишком развитой дочери, твёрдо держа её в своих жёстких руках. И лишь один раз дочь пошла поперёк воле матери. Её захватило огромное, как море, чувство к красивому, сильному и очень уверенному мужчине, который принадлежал к совершенно иному социальному слою. Он, как ни странно, ответил на чувство серенькой мышки, какой была мать всегда — видимо, его пленили её сказочно красивые глаза цвета фиалки. Но до свадьбы дело не дошло. Бабушка узнала про эти отношения, решительно их прервала и пригрозила дочери своим материнским проклятием, если она ослушается. Дочь не посмела. Марина родилась вне брака и, как теперь говорят, в неполной семье. Дитя любви в жёстком мире утрированных и даже деформированных коммунистических идей.

Воспитывала Марину, разумеется, бабушка. Мягкотелая мать была от процесса отстранена. А бабушка очень надеялась возродить во внучке дух своей молодости, луч света в окружающем чужом мире, который она не понимала и не принимала. Игрушек у девочки почти не было (зачем? — это баловство одно), зато в изобилии были рассказы о прекрасных временах, когда люди жили в коммунах, женщины носили на голове красные платочки и все были друг другу товарищи. Когда Марина подросла, ей было предложено несколько

книг соответствующей тематики, которые стояли на полочке, — разумеется, «Как закалялась сталь» в первую очередь. Марина прочла и загрустила — как-то не вязалось это с жизнью, которая текла за окнами. Нет, конечно, она ничего не имела против Павки Корчагина, он даже нравился ей, как и Овод. Но это было прошлое, история, а сейчас была совсем другая жизнь, со своими реалиями и убеждениями. Бабушка так не считала. Были под запретом такие понятия как мода, косметика и прочие вещи, которые живо интересуют молодых девушек. Со всем этим Марина могла знакомиться только через одноклассниц и свои наблюдения на улице. Телевизор в доме был, но включался он строго по расписанию, когда шли передачи, хоть мало-мальски греющие душу бабушки, всё остальное было строго-настрого запрещено. Только в доме у своей единственной подруги Светланы девочка могла видеть всё то, что её интересовало. Мама Светы, женщина добрая и отзывчивая, Марину жалела и почему-то всегда называла сироткой — мать девочки она в расчёт не принимала, а бабушку считала механизмом, не человеком. Она старалась всегда угостить её чем-нибудь вкусненьким, накормить посытнее. Хотела бы и подарить что-то из одежды или других вещей, но знала, что это бесполезно — бабушка всё равно недрогнувшей рукой изгонит из дома



инородные предметы.

Одевалась Марина под чутким бабушкиным руководством так, что было совершенно непонятно, в каком веке она живёт. В школе её называли монашкой за безликую одежду и полное отсутствие косметики даже по праздничным дням. Это было обидно. Проходя по улицам города, она иногда останавливалась возле дорогих магазинов и с жадным интересом рассматривала витрины. Нет, она не мечтала, как когда-то в детстве, получить что-либо из этого изобилия — в Деда Мороза она давно уже не верила. Но зреющая в ней женщина не могла пройти мимо. Ведь это так интересно, так захватывающе. В душе её жила мечта, которой, она знала это, не суждено было сбыться, — стать модельером женской одежды, создавать своими руками красоту и дарить людям радость. Но бабушка считала, что ей следует, как и матери, стать бухгалтером — вполне приличная профессия для женщины, да и хвостом крутить некогда будет. Перспектива была мрачная, но противостоять бабушке она вряд ли сможет.

Эта непонятная ей самой тяга к красоте, которую она тщательно скрывала от домашних, была всё-таки как-то выявлена бдительной бабушкой. Та попыталась искоренить опасные настроения внучки, но девочка только глубже ушла в себя, закрывшись в своей раковине наглухо. А

однажды услышала случайно, как бабушка ворчит в её адрес. «Ишь ты, аристократка нашлась, — злобно шипела старая женщина, — голубая кровь». Марина не поняла, о чём это она. В семье никогда не говорилось о прошлом матери — оно было намертво замуровано и предано забвению. Как жилось её матери, Марина не знала — та никогда не делилась с дочерью своими мыслями, и если быть честной, то девочке иногда казалось, что и нет никаких мыслей в этой увядшей до срока женщине, нет ничего живого — так, автомат. И только в семье подруги видела она тёплые человеческие отношения, слышала смех, могла с удовольствием рассматривать столь милые её сердцу журналы — Светина мама Ольга Андреевна специально покупала их в большом количестве, она поняла увлечение девочки и, чем могла, поддерживала его.

А потом случилось непредвиденное. На дворе стояла весна, последняя весна её школьной жизни. Только-только распустились нежные листики на кустах и деревьях, сирень довольно определённо намекала, что скоро расцветёт и наполнит воздух своим сказочным ароматом. Приближались выпускные экзамены. Их Марина не боялась, но отчаянно страшилась того, что последует за окончанием школы. Бухгалтерские курсы и работа, работа, работа. И жизнь мрачная и безрадостная, как у матери. Нет! Такого она не хотела для себя.